

**ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО
РУБЕЖА XIX–XX вв.**

С.А. Мусаева

Статья посвящена анализу проблемы человека в творчестве Л.Н. Толстого рубежа веков. Одна из основных особенностей концепции человека у Толстого 1890-х гг. является то, что он испытывает своего героя, ставя его в экстремальные ситуации. Его герои путем самоусовершенствования приходят к поставленной цели, к религии. Это нашло отражение в его последнем романе «Воскресение». Другая точка зрения показано в последнем произведении, в «Хаджи-Мурате». Хотя Толстой в последние годы призывал к смирению, в «Хаджи-Мурате» он показал не смирившегося, а бунтующего человека.

This article is dedicated to the analysis of personality in L.N. Tolstoy's creative work in the coincidence of 2 centuries. The main distinguishing feature of a person in Tolstoy's creative work of 1890s is that he tests his hero, putting him into different kinds of extreme situations, and his hero finally comes to the certain decision after self understanding. This is reflected in his novel "Voscreseniye" ("the Rebirth"), in which Tolstoy showed the Christian understanding of a man. But another tendentious point can also be observed in his latest novels, for instance, 'Hadji Murad' shows the natural understanding of a man. Though Tolstoy called people to find in harmony with life to live and forgive during their life and it's reflected in his latest works, but he described struggling men this period of his creativity.

Ключевые слова: человек, концепция, смирение, религия.

Key words: person, conception, submission, religion.

В творчестве Толстого проблема человека всегда была непосредственным объектом его художественного исследования. На рубеже XIX–XX вв. она приобретает особое значение. На каждом историческом этапе менялась концепция человека, и каждая эпоха имела свое представление о личности, что в итоге определяло характер литературы того или иного периода.

По мнению Толстого, человек с рождения чист и добр. Изменения в нем происходят только под влиянием окружающей среды. На естественную сущность человека отрицательное влияние оказывают, прежде всего, искусственные формы морали и этики. Толстой по этому поводу пишет: «Нет таких условий, к которым человек не мог бы привыкнуть, в особенности, если он видит, что все окружающие его живут так же» [5, т. 19, с. 294]. Только живя в одиночестве, человек может освободиться от влияния среды. Но это невозможно. И в творчестве Толстого человек изображается в системе бытовых, общественных, нравственно-этических и прочих отношений. Писатель обычно показывает человека среди родственников, среди близких ему людей, сущность которых уже искажена обществом. Толстой в дневнике отмечает: «Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдишь с другим – и он становится дурен. И чем больше людей сходятся вместе, тем труднее им удержаться от дурного, от этого-то так важна, нужна любовь. Только с нею, не делаясь хуже, могут сходиться люди» [6, т. 22, с. 3].

Человеческая сущность показана Толстым в самых разных аспектах. Писатель «схватывает» его поведение не просто в определенные моменты жизни, но на протяжении всего его жизненного пути с его мельчайшими изменениями, крутыми изломами. Герои Толстого стремятся к новой жизни. Писа-

тель, как правило, не показывает уже сложившийся характер, а рисует процесс духовного роста человека, его нравственного обновления.

Для подтверждения высказанного выше достаточно указать хотя бы на центральную идею романа «Воскресение». Здесь героиня, подводя итоги пройденного ею жизненного пути, воспроизводимого в сюжете, не только постигает меру господствующей несправедливости и «обиженности» «простого народа», но и обретает необходимое и благодетельное, по Толстому, отношение ко всякому злу. «Воскресение» человека у Толстого 80–90-х гг. включает в себя как безусловное отрицание основ существующего общества, так и усвоение морали всепрощения. Именно ко «всепрощению» приходят, «воскресая», и Катюша, и Нехлюдов, но каждый своим путем.

В.Р. Щербина пишет: «Духовно близкий к Толстому герой не выходит на дорогу прямой революционной борьбы. Но он воплощает в своих исканиях широкую всечеловеческую идею поисков единения с народом, единения, дающего жизненную основу для слияния идеала и реального действия. Нельзя не видеть в настойчивых исканиях пути к народу героев Толстого ряда черт духовной истории самого автора» [7, с. 65].

Толстой выбирает некоторых, совсем не идеальных героев из дворянской среды. Персонажи Толстого совершали в своей жизни много ошибок. Особенно в последних своих произведениях Л.Н. Толстой показывает человека, много перестрадавшего и вступившего в борьбу с самим собой. В итоге герой выходит из этой борьбы победителем. «Люди из дворянской среды в художественном освещении Толстого становились положительными в той мере, в какой он выражал общую тенденцию эпохи или хотя бы отдельные, но ведущие признаки своего времени» [1, с. 12].

Большинство современных исследователей, разрабатывающих проблему человека в творчестве Л.Н. Толстого на рубеже веков, согласны с тем, что писатель сумел воссоздать неповторимый психологический портрет личности. Причем это не имманентная характеристика человека. В произведениях писателя представлен такой оригинальный концептуальный подход, который в известном смысле слова может считаться путеводителем для других художников-реалистов. Крупнейшим творческим достижением писателя является раскрытие процесса духовного роста человека.

Следует сказать, что развитие личности находилось в центре внимания многих замечательных мастеров реалистического направления, сумевших прийти к художественным обобщениям, рисующим многообразный духовный облик людей разных эпох, отражавший их мысли, чувства и дела. Преобладающей чертой реалистической литературы XIX в., особенно его первой половины, было изображение законченных, жизненно и художественно убедительных характеров. Подлинное развитие личности заключалось в формировании и самоопределении характера, в постепенном выявлении его типичных свойств.

Такого рода законченные характеры занимают значительное место в произведениях Л.Н. Толстого. Однако в зависимости от исторического периода писатель по-разному показывал человека. В разработке концепции человека в последний период своей жизни он идет значительно дальше, расширяя и углубляя поставленную им художественную задачу. Скажем, в молодости он считал, что описать человека собственно нельзя, но можно описать, как он подействовал на окружающих: «Говорить про человека: оригинальный, добрый, умный, глупый, последовательный и т.д. – слова, которые не

дают никакого понятия о человеке, а имеют претензию обрисовать человека, тогда как часто только сбивают с толку» [5, т. 46, с. 67].

Это созвучно тому, что он выразил в романе «Воскресение»: «Одно из самых обычных и распространенных суеверий, – то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т.д.» [5, т. 32, с. 194].

В зрелые годы писатель начинает размышлять на этот счет несколько иначе. Это вполне естественно, потому что с годами изменяются его взгляды на жизнь и человека. В конце XIX в. писателя особенно привлекают люди, не останавливающиеся в своем развитии, в своем движении вперед, пережившие духовный перелом, те, кто нарушает логику незыблемо сформировавшихся характеров.

Однако в действительности человек обычно обладает разными качествами: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь, все между тем одним и самим собою» [5, т. 32, с. 194].

В этих суждениях высказана очень важная часть творческого кредо Толстого. Писатель убежден в том, что природе человека присуща способность к духовным переменам. Отрицая принципиальную и всеобщую замкнутость характеров, он подчеркивал, что, духовно изменяясь, человек часто оказывается непохожим на себя прежнего и одновременно сохраняет свою цельность.

Но этим вовсе не ограничиваются исходные принципы изображения Толстым психологии человека. Они включают в себя, как уже было отмечено в связи с духовным возрождением Катюши Масловой, раскрытие путей преобразования человека, его нравственного обновления. И тут, в свою очередь, выявляются весьма важные различия между автором «Воскресения» и его предшественниками. Так, реалисты эпохи Просвещения были сторонниками того взгляда, что в мире господствуют идеи, разум. Это и определило их интерес к теме перевоспитания людей, далеких от добродетелей, погрязших в пороке. Основное средство их исправления художники-просветители видели в следовании разумному примеру, в освоении верных идей. Этот рационалистический подход в немалой степени ограничивал художественные возможности раскрытия эволюции характеров.

Общечеловеческое значение духовного раскрепощения и морального возрождения личности, по Толстому, заключается в принципиально ином взгляде на эту проблему. И дело не только в том, что она рассматривается под другим углом зрения, а, скорее всего, в глубине и мудрости предупреждения, адресованного потомкам. Забвение нравственных заповедей видится Толстому как результат радикальной изувеченности человеческих взаимоотношений.

Концепция человека у Толстого 90-х гг. отличается от концепции предыдущих его произведений. Он испытывает своего героя, ставя его в экстремальные ситуации. Его герой путем самосовершенствования приходит к поставленной цели, и эта цель есть религия. Верно отмечает Н.Г. Набиев, что «человек в творчестве Толстого 60–80-х гг. через поиски и заблуждения приходит к вере мужика, то есть к тем готовым жизненным принципам, которые выработаны долгим историческим опытом народа. Человек Толстого 90-х годов, который также занят поиском самого себя, своего назначения, через долгие поиски и страдание приходит к тем принципам, которые выработаны всем христианством. Теперь чело-

век Толстого не живет философией русского мужика, не кончает свое восхождение приобщением к нему, а прямо обращается к Христу» [4, с. 229].

Вышесказанное нашло особенно яркое отражение в последнем романе Толстого «Воскресение», в котором писатель опрощает светского человека, заставляет его измениться и жить по законам Христа. По мнению Толстого, Нехлюдов принадлежит к числу тех людей, которые заключают в себе разные человеческие свойства – хорошие и плохие. Но герой не знает реальных средств устранения плохих свойств. «Все то страшное зло, которое он видел и узнал за это время... торжествовало, царствовало, и не виделось никакой возможности не только победить его, но даже понять, как победить его» [5, т. 13, с. 452]. Возможность эту открывает Нехлюдову Евангелие. В.И. Бурсов отмечает, что «человек Толстого преимущественно строит себя, совершенствуется, как человек» [2, с. 315]. Герои «Войны и мира», «Анны Карениной» учатся жить у народа и в своем духовном развитии поднимаются до уровня Платона Каратаева и Платона Фоканыча, то есть до уровня народа. Герой «Воскресения» учится жить у Христа и в качестве идеала выбирает именно его.

По мнению многих критиков и исследователей, в творчестве Толстого параллельно шли две линии: с одной стороны, христианская, с другой – языческая. Д.С. Мережковский отмечает, что «религиозное сознание Л.Н. Толстого, скорее, буддийское, чем христианское, и что в художественном творчестве он «великий язычник», в самом глубоком религиозном смысле этого слова. Но религиозное язычество есть не что иное, как непросветленное, неосознанное христианство, не пройденный путь к Христу, откровение Отца, которое предшествует откровению Сына, Ветхий Завет, как чаяние Нового; религиозное язычество на своих предельно высших точках есть "христианство до Христа"» [3, с. 138].

Если Толстой в «Воскресении» показал христианское осмысление человека, то в «Хаджи-Мурате» намечается другая тенденция. Здесь отражено природное, естественное осмысление человека. Существует противоречие между идеями христианского всепрощения, которыми пронизано религиозное учение Толстого, и образным раскрытием жизни в его художественных произведениях.

Хотя Толстой в последние годы призывал к смирению, в повести «Хаджи-Мурат», которая написана в 1896–1904 гг., он показал не смирившегося, а бунтующего, борющегося человека. Видимо, из-за того, что это противоречило его религиозному учению, он не опубликовал повесть при жизни. В повести главный герой Хаджи-Мурат сравнивается с репейем, которого в этих местах называли татарником. Никак не удается сорвать этот репей, который так крепко держится на почве и борется за жизнь.

Так и Хаджи-Мурат долго боролся, не сдавался. Удивительная сила жизни отличает Хаджи-Мурата от других людей. Он всегда готов к действию, к борьбе. Обстоятельства сталкивают его с деспотизмом Шамиля, его стремлением к полноте власти, а также с политикой Николая I, политикой завоевания Кавказа. Он противостоит обоим. Л. Толстой изображает своего героя с большой любовью. Хотя поведение Хаджи-Мурата весьма далеко от идеала непротivления злу насилием, который утверждал Толстой, он не осуждает его, а восхищается им. Толстой не только Хаджи-Мурата, но и всех горцев рисует с любовью.

В конце повести он выразил свою ненависть к захватчикам, когда казак показывает отрубленную голову Хаджи-Мурата. Толстой пишет: «Бутлер вышел на крыльцо. Марья Дмитриевна сидела на второй ступеньке. Она оглянулась на Бутлера и тотчас же сердито отвернулась.

- Что вы, Марья Дмитриевна? – спросил Бутлер.
- Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право, – сказала она, вставая.
- То же со всеми может быть, – сказал Бутлер, не зная, что говорить.
- На то война.

– Война! – вскрикнула Марья Дмитриевна.
– Какая война? Живорезы, вот и все. Мертвое тело земле предать надо, а они зубоскалят» [6, т. 14, с. 128].

В начале XX в., в канун важных исторических потрясений и социальных изменений Л. Толстой принципиально пересматривает свои религиозные и этические взгляды. Д.С. Мережковский был прав, когда говорил, что Толстой, считающий себя правоверным христианином, в сущности оставался в своем творчестве язычником, как и его Ерошка.

В «Хаджи-Мурате» Толстой-язычник берет вверх над Толстым-христианином. Своим художественно оформленным путем Толстой в данном произведении находит другую методологическую базу. Он как бы возвращается к тому, с чего начал – к культу естественности, природности. Природа и Бог всегда присутствовали в творчестве Толстого как антитезы. То одно, то другое брало вверх в его мирозерцании. В «Хаджи-Мурате» Толстой как бы снова вернулся к своей заветной идее – о примате естественного, природного начала в человеке.

Список литературы

1. Андреева Е. П. Толстой – художник в последний период деятельности / Е. П. Андреева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 270 с.
2. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы / Б. И. Бурсов. – М. – Л. : Советский писатель, 1964. – 395 с.
3. Мережковский Д. С. В тихом омуте: статьи и исследование разных лет / Д. С. Мережковский. – М. : Советский писатель, 1991. – 496 с.
4. Набиев Н. Г. Человек в мире Л. Н. Толстого / Н. Г. Набиев. – М. : Диалог МГУ, 1999. – 278 с.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1828–1958.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1978–1985.
7. Щербина В. Р. Принадлежит человечеству / В. Р. Щербина // Л.Н. Толстой и современность : сб. ст. и мат-лов. – М., 1929. – С. 42–77.

ОБРАЗ МАЗЕПЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ XIX в.

Е.В. Никульшина

В статье прослеживается эволюция образа Мазепы в исторической беллетристике XIX в. Дается сравнительно-сопоставительный анализ образов предателя-гетмана, созданных в произведениях Е.В. Аладына, Р.М. Зотова, Ф.В. Булгарина, Д.Л. Мордовцева. Доказывается, что интерпретация исторических событий и личностей генетически связана с понятиями «ценность» и «оценка» и зависит от историософских взглядов автора.

The author of the article observes the evolution of Mazepa's image in the XIXth century historical fiction. Contrastive-comparative analysis of images of hetman, who was a traitor, was made on the basis of novels by E.V. Aladyn, R.M. Zotov, F.V. Bulgarin, D.L. Morodovtsev. It is proved that the interpretation of historical events and personalities is genetically concerned with such notions as "value" and "estimation" and it depends on author's conception of historiosophy.

Ключевые слова: историческая беллетристика, интертекстуальность, петровский миф, Мазепа.

Key words: historical fiction, intertextuality, petrine myth, Mazepa.